

ЭЛИТНЫЕ КЛАДЫ ИЗ БУЛГАРСКОГО УЛУСА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

К.А. Руденко

*Казанский государственный институт культуры
Казань, Российская Федерация
murziha@mail.ru*

Цель статьи: на основе комплексного анализа проанализировать материалы самых известных кладов эпохи Золотой Орды, найденные на территории Булгарского улуса, выявить совпадение ювелирных изделий, которые в них были, определить сходство и различие с другими находками с этой территории, а также выявить возможное место изготовления их и связь с археологическими памятниками.

Материалы исследования: использованы сохранившиеся ювелирные изделия из двух кладов: Карашамского и Джукетауского. Первый найден в 1950 г. у села Карашам в Зеленодольском районе Республики Татарстан. Второй клад был найден в 1924 г. на окраине города Чистополя в Чистопольском районе Татарстане, рядом со средневековым городищем – остатками булгарского города Джукетау, существовавшим в X – начале XV в. В обоих кладах были кроме ювелирных украшений, серебряные и золотые монеты, что позволило определить время, когда эти клады были зарыты. Клад у села Карашам был зарыт в начале XV века. Джукетауский клад был зарыт в 1350-х – 1370-х гг. XIV в. Клады сохранились не полностью. Автор тщательно изучил ювелирные изделия из кладов, которые сейчас хранятся в Национальном музее Республики Татарстан, а также в Государственном Эрмитаже. Также привлечены к исследованию предметы из других кладов этого времени, найденные на территории Татарстана, а также опубликованные материалы из частных коллекций.

Результаты и научная новизна: автор статьи впервые исследовал сохранившуюся часть Карашамского клада, в том числе и те ювелирные изделия, которые не были отражены в исследованиях других ученых. Был проведен сопоставительный анализ украшений, находившихся в самом этом кладе. Для выяснения ареала распространения подобных ювелирных изделий был сделан поиск аналогий и найдены похожие ювелирные изделия из других кладов, а также в археологических материалах с поселений эпохи Золотой Орды. Было установлено, что в кладе из Карашама самая значительная часть украшений была сделана в ювелирных мастерских города Булгара, а часть – ювелирами из других ремесленных центров на территории Золотой Орды. Отметим, что в Булгаре изготавливались и украшения как из золота, так и из серебра. Самая популярная продукция – это браслеты с изображениями львиных морд на окончаниях предметов, а также браслеты со стилизованными изображениями с использованием черни. Такие браслеты были найдены как в кладе из Карашама, так и из Джукетау. Существование ювелирных мастерских в Булгаре подтверждается и археологическими раскопками. Здесь, в центральной части города, археологами во второй половине XX – начале XXI века были открыты несколько мастерских, датированных XIV столетием, где работали ювелиры. Здесь были обнаружены тигли, ювелирные инструменты, а также более 100 литейных форм. Автор предполагает, что в начале XIV в. здесь работал знаменитый ювелир из Булгара по имени Шагидулла. Также было установлено, что клад из Карашама собирали скорее всего несколько поколений одной семьи, а клад из Джукетау являлся личным сокровищем.

Ключевые слова: Булгарский Улус, Золотая Орда, ювелирные изделия, клады, элита, Иран, Булгар, Карашам, Джукетау

Для цитирования: Руденко К.А. Элитные клады из Булгарского улуса Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 3. С. 520–546. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-3.520-546

TREASURES OF THE ELITE OF THE BULGHARIAN ULUS OF THE GOLDEN HORDE

K.A Rudenko

*Kazan State Institute of Culture
Kazan, Russian Federation
murziha@mail.ru*

Abstract. Research objectives: To analyze the materials of the most famous hoards of the Golden Horde era found on the territory of the Bulgharian ulus on the basis of a comprehensive analysis. To identify the coincidence of jewelry that they contained. To determine the similarities and differences with other finds from this territory, as well as to identify the possible place of their manufacture and their connection with archaeological sites.

Research materials: Preserved jewelry from the Karasham and Juketau hoards. The former was found in 1950 near the village of Karasham in the Zelenodolsk district of the Republic of Tatarstan. The latter was found in 1924 on the outskirts of the city of Chistopol in the Chistopol district of Tatarstan, next to the medieval settlement – the remnants of the Bulgharian city of Juketau which existed from the tenth to early fifteenth centuries. In addition to jewelry, both hoards contained silver and gold coins which made it possible to determine the time when these hoards were buried. The hoard near the village of Karasham was deposited at the beginning of the fifteenth century. The Juketau hoard was deposited in the 1350–70s. Both hoards are not fully preserved. The author carefully studied jewelry from the hoards that are now stored in the National Museum of the Republic of Tatarstan, as well as in the State Hermitage. Items from other hoards of this time found in the territory of Tatarstan, as well as published materials from private collections, are also involved in the study.

Results and novelty of the research: The author investigated, for the first time ever, the surviving part of the Karasham hoard, including jewelry that was not considered in the studies of other scholars. A comparative analysis of the jewelry was carried out. To find out the distribution of such jewelry, a search was made for analogies and similar jewelry that was found in other hoards as well as among the archaeological materials from settlements of the Golden Horde era. It was found that the most significant part of the Karasham hoard's jewelry was made in the jewelry workshops of the city of Bolghar, and partly by the jewelers from other craft centers in the Golden Horde. It should be noted that jewelry was made in both gold and silver in Bolghar. The most popular products were bracelets with images of the lion's muzzle on the ends of objects, as well as bracelets with stylized images made using niello. Such bracelets were found both in the hoard from Karasham and from Juketau. The existence of jewelry workshops in Bolghar is also confirmed by archaeological excavations. In the second half of twentieth and at the beginning of the twenty-first centuries, archaeologists found several jewelry workshops in the central part of the city dated to the fourteenth century. Crucibles, jewelry tools, and more than hundred foundry molds were discovered here. The author assumes that a famous jeweler from Bolghar named Shagidulla worked here at the beginning of fourteenth century. It was also found

that the hoard from Karasham was most likely collected by several generations of the same family. In contrast, the hoard from Juketau was a personal treasure.

Keywords: Bulgharian Ulus, Golden Horde, jewelry, hoards, elite, Iran, Bolghar, Karasham, Juketau

Forcitation: Rudenko K.A. Treasures of the Elite of the Bulgharian Ulus of the Golden Horde. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 3, pp. 520–546. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-3.520-546

Введение

Ювелирные изделия Булгарского Улуса Золотой Орды давно привлекали внимание исследователей. Особый интерес вызывали денежно-вещевые клады, содержавшие помимо монет, большое количество таких изделий. Их по праву рассматривают как яркий показатель не только высокого уровня развития ремесла и торговли, но и своего рода маркер состояния общества того времени. Из наиболее известных выделяются Джукетауский 1924 г. и Карашамский 1950 г. клады. Они в разной степени детализации опубликованы, хотя, к сожалению, значительная часть предметов оказалась утраченной и изучить все артефакты из них в настоящее время невозможно [24, с. 112, прим. 1]. Вместе с тем, с этими кладами связано много нерешенных вопросов. Прежде всего это привязка к конкретным археологическим памятникам: если Джукетауский клад скорее всего связан со средневековым городищем Джукетау, хотя точное место находки сейчас установить затруднительно, то Карашамский клад был обнаружен в существенном отдалении от места расположения древних поселений. До конца не выяснено место и время производства большинства изделий из этих кладов, при существующем в настоящее время в литературе разбросе мнений в интерпретации некоторых категорий артефактов, в них находившихся [10, с. 46–51]. Ряд изделий из кладов были признаны привозными, как например, золотой шарнирный браслет из Джукетауского клада [11, с. 260, кат. 111], а часть, в первую очередь пластинчатые браслеты, считаются местного производства [28, с. 22; 9, с. 119]. Кроме того, за прошедший с момента публикации данных кладов период появились новые находки и исследования, которые позволяют существенно скорректировать взгляды на обозначенные проблемы [11; 26, с. 258–274]. В этой связи заслуживает внимания вопрос о месте производства вещей, представленных в кладах.

Методы и материалы

Основным источником для изучения данных вопросов являются опубликованные данные о денежно-вещевых кладах золотоордынского времени – Джукетауского и Карашамского, с учетом выявленных архивных материалов [9, с. 117–120; 18, с. 129, рис. 1–4, цв. вклейка; 28, с. 16–28], а также коллекции Национального музея Татарстана и Государственного Эрмитажа, в которых находятся сохранившиеся из них артефакты. Помимо этого, были исследованы находки из других кладов, хранящихся в Государственном Эрмитаже (Крещено-Елтанский 1900 г., Булгарский 1877 г.) [7, с. 230–231, 316], Государственном историческом музее (Симферопольский клад 1967 г.) [29, с. 78,

80, 82, 83, 88, кат. 306–322, 333–348, 366–370, 510, 511–516, 572–564, 604], Болгарском музее-заповеднике (клады, обнаруженные на городище во время раскопок в 2010, 2013 гг.) [15, с. 82–86, кат. 6.1.3 – 6.1.15; 16, с. 196–197, кат. 22.3.31 – 22.3.37].

Карашамский клад был найден в 1950 г. в 2 км к востоку от с. Карашам Зеленодольского района Татарстана, на левом берегу безымянного ручья [35, №1487]. По нумизматическому материалу он был датирован второй половиной XIV в., а время его сокрытия отнесено к началу XV в. или в более широких рамках – к периоду между 1380 и 1400 гг. [9, с. 119; 36, с. 147, №275]. В составе Карашамского клада было 158 предметов, из которых 102 – серебряные монеты, и 56 – изделия из золота и серебра [9 с. 117–119; 24, с. 111, табл. Д]. Из последних в фондах НМ РТ сохранилось 23 артефакта¹ из них 5 из золота и электра, остальные из серебра. Все они в настоящее время подробно описаны и исследованы [24, кат. 55, 59, 60, 180, 182–184, 191, 259, 262, 279, 310, 311, 347–350, 359, 356, 382–385; 25, с. 239–262]. Учитывая, что практически половина предметов из клада сохранилась, а часть предметов имеется на фотографиях в публикации, то это позволяет провести анализ этого уникального сокровища как единого комплекса, что еще не делалось.

Джукетауский клад, случайно обнаруженный в 1924 г. поблизости от Чистополя, в районе средневекового городища Джукетау, датирован по монетам третью четвертью XIV в. [28, с. 28]. Он включал в себя 4 золотых браслета, составлявшие пары; два из них – пластинчатые с личинами-масками на окончаниях, и два – шарнирные со сложным накладным узором с надписями выложенными золотой проволокой; филигранное навершие головного убора; золотая брошь, украшенная поделочными камнями с накладными деталями в виде миниатюрных распустившихся цветов; мелкие украшения головного убора (21 шт.); 170 жемчужин разного размера; 4 поделочных камня-вставки и 2 золотые индийские монеты, чеканенные в 1325–1351 гг. [28, с. 20–28]. М.Г. Крамаровский предположил, что все предметы относятся к числу женских украшений одного гарнитура [11, с. 109]. Практически все изделия Джукетаусского клада, за исключением одного золотого браслета (рис. 1), утрачены.

Ранее исследователи отмечали, что состав вышеуказанных кладов имеет ряд аналогий с другими элитными кладами золотоордынского периода, например, Симферопольским, предметы в котором были изготовлены во второй–третьей четверти XIV в., а зарыт он был в начале XV в. [14, с. 2, 5]. Таким образом, необходимо аналитическое исследование материалов Карашамского и Джукетауского кладов для выяснения их характера и особенностей, а также места в культурном пространстве Булгарского улуса Золотой Орды.

Результаты

Сравним состав кладов, привлекая материалы из других кладов и отдельных находок, прежде всего из Булгарского Улуса в целом и Булгара, в частности. Начнем с тех предметов, которые встречаются в обоих кладах. Это золотые пластинчатые браслеты с масками-личинами на окончаниях (рис. 2:

¹ Не исключено, что, помимо этого, дошли до наших дней пронизки и бусы из горного хрусталя и из стекла, однако нам их обнаружить не удалось; возможно, они депаспортизованы.

4,5). Они относятся к типу АІ-1.1, по К.А. Руденко, и имеют многочисленные реплики в серебре [25, с. 246]. Однако, если сравнить их с другими золотыми браслетами, прежде всего из Булгара (рис. 2: 1–3), то можно заметить, что джукетауские изделия отличаются от болгарских находок только в деталях и стилем оформления, а карашамский браслет (рис. 2: 4), который попал в клад уже фрагментированным², явно с ними диссонирует, демонстрируя упрощенную схему оформления окончаний, что встречается на некоторых серебряных браслетах из Булгара. При этом только в одном случае (тип Б-9.1.6 по К.А. Руденко) в рисунке маски-личины на окончании пластины треугольное межбровье рассечено пополам вертикальной линией, как на джукетауском [24, с. 469, кат. 334; 25, с. 253, рис. 4: 22].

Джукетауские пластинчатые браслеты (рис. 2: 5) несмотря на их схожесть с золотыми браслетами из Булгара с личинами-масками, тем не менее, обладают рядом интересных особенностей. Первое – наличие на обруче срединного медальона прямоугольной формы, в который вписан стилизованный мотив «узла счастья». Второе – подчеркивание подушечек усов двойной линией на изображении личины на окончаниях браслетов. Срединные медальоны на обруче встречены только на золотых браслетах из Булгара со стилизованным растительным орнаментом (рис. 3: 1) и серебряных браслетах с чернью из Карашамского клада (рис. 3: 2,3). При этом они имеют совершенно иной дизайн. На других серебряных браслетах из Булгарской области Золотой Орды декор посередине обруча – редкость и зафиксирован только на браслетах типа Б-4 и Б-5, где изображен распустившийся цветок [25, с. 250, рис. 4: 4–8]. Такого типа серебряные браслеты встречены в захоронениях конца XIII – XIV в. кочевой ордынской знати, например, в могильнике «Олень-Колодезь» или «Вербовый лог-VIII» [8, с. 105, рис. 8: 7; 4, с. 31, 74, рис. 9: 5,6]. По материалам кладов в Центральной Азии подобные мотивы декора серебряных браслетов встречаются с первой половины XIV в. [37, с. 108, табл. XXXIX].

Впрочем, с территории Золотой Орды браслетов со стилизованным мотивом «узла счастья» тоже немного и не только серебряных или золотых, но и более распространенных – бронзовых. Так в захоронениях кочевников Волго-Донских степей встречен только один такой бронзовый браслет. Он происходит из женского захоронения, датированного монетой 1322 г. [17, с. 163–164, табл. XXVIII, тип II-Б]. Вместе с тем, аналоги рассматриваемому мотиву «узла счастья» встречены на золотых и серебряных иранских браслетах XIII–XIV вв. из коллекции Н. Халили (Nasser D. Khalili) [44, р. 440, 451, 455, cat. no. 341, 354, 359]. Кстати, некоторые из них имеют на окончаниях изображение маски-личины. Также на иранских браслетах прослеживаются и исходные формы гравировок вне медальонов, имеющиеся на спинке обруча карашамских браслетов [44, р. 449, 676–677, cat. no. 336, 352]. Этот мотив имеет и более ранние иранские (хорасанские) прототипы, например, на золотых и серебряных составных с бирюзовыми вставками и шарнирных пластинчатых браслетах с черневым декором [43, р. 267, 292, 299, cat. no. 226, 236, 263]. Исследователи отмечают, что мотив стилизованного «узла счастья» встречается на предметах

² В составе клада был еще один фрагмент золотого браслета, но, скорее всего, без орнамента. Найти его в фондах не удалось. Каких-либо дополнительных данных о нем в описи предметов клада нет.

торевтики в XI–XII вв. от Самарканда до Нишапура [43, р. 180–181]. Сочетание плетенки в виде «узла счастья», вписанного в 8–лепестковую розетку, зафиксировано на литой бронзовой фигуре льва из Хульбука (Таджикистан) [37, с. 154, табл. XI]. Она датируется по аналогиям XI в. «Узел счастья» изображен на щитке серебряного перстня из Билярского городища и Мурзихинского селища, датированных XIII в. [24, с. 53, тип 2.2, кат. 95], но несколько в ином стиле. Вариации этого мотива имеются на серебряных перстнях из вымских могильников перми-вычегодской XIII–XIV вв. [24, с. 124, рис. 11: 17–19], а также Плотниковского могильника в Пермском Приуралье. Можно однозначно утверждать, что на джукетауских браслетах «узел счастья» изображен в стиле иранских образцов XII–XIV вв. Вариации его на золотоордынских браслетах, как, например, на изделии с Селитренного городища (рис. 3: 5), обнаруженного в слое второй половины XIV – начала XV в. [6, с. 201, кат. 107], демонстрируют иную трактовку этого мотива.

Вторая особенность изображения на джукетауских браслетах заключается в иконографии маски-личины. Она близка изображению на серебряном браслете из Булгара (НМ РТ, инв. № 10214–63), где ювелир изобразил верхнюю часть личины с рассеченным надвое межбровьем, каждая из частей которого была расштрихована [24, с. 469, кат. 334; 25, с. 250, рис. 4: 22, тип Б-9.1]. Вместе с тем, стилистика оформления масок-личин на окончаниях этого артефакта близка золотому браслету из Булгара (рис. 2:3), как и многим серебряным браслетам этого типа, найденным здесь же, а также близким по времени сокрытия серебряным браслетам из Крещено-Елтанского клада (рис. 4: 3,4).

Таким образом, учитывая локализацию наибольшего распространения браслетов со схожей иконографией изображений масок-личин и приемов дизайна, можно считать, что джукетауские золотые браслеты, скорее всего, были изготовлены в Булгаре в первой–второй четверти XIV в. ювелиром, хорошо знавшим не только местные приемы декорирования такого рода изделий, но и центральноазиатские – иранские изделия того времени. Образцы ювелирной продукции нижневолжских центров (Царевское или Селитретное городище), найденные в Булгаре, демонстрируют нам другие приемы декорирования. В качестве примера можно привести золотой наконечник пояса (раскоп LV, 1976 г.), попавший в культурный слой Болгарского городища в начале XV в. [12, с. 96–97], как и вышеупомянутая заготовка золотого браслета с Селитренного городища того же периода. Кроме золотых браслетов, других изделий, которые были бы в обоих кладах, нет.

Рассмотрим теперь оригинальные предметы из рассматриваемых кладов, подобные которым не зафиксированы в археологических материалах из Булгарской области Золотой Орды. Первые из них – это два одинаковых шарнирных двухстворчатых золотых браслета с декоративными накладками, медальоном с колечками, и с персидской надписью, выложенной золотой проволокой на створках в обрамлении орнаментированных миниатюрных колонок, на окончаниях которых были изображены стилизованные львиные головы. Сохранившийся один браслет (рис.1) многократно изучался [11, с. 109–110, рис. 55], и нет необходимости на нем останавливаться подробно. М.Г. Крамаровский отнес его к группе «крымско-малоазийской» золотоордынской торевтики и датировал XIV в.

Вторыми оригинальными изделиями можно считать комплект серебряных изделий, в первую очередь пластинчатых браслетов, с гравированным черненым декором из полупальметт из Карашамского клада (рис. 3: 2,3). Н.Ф. Калинин считал их изготовленными непосредственно перед сокрытием клада – на рубеже XIV–XV в., сочтя «небрежность» в отделке – изъязны в наложении черни, слабую проработанность фона рисунков – признаком того, что изделия были не завершены мастером [24, с. 111–112, табл. Д, №№11437, 11438, 11440, 1144]. Отметим, что карашамские серебряные браслеты (тип Б-11, по К.А. Руденко) являются пока единственными из известных в Булгарской области Золотой Орды. Вместе с тем, в Булгаре была найдена пара золотых браслетов (коллекция А.Ф. Лихачева) и золотой перстень такого же типа и с аналогичным декором с использованием черни, что и карашамские [13, табл. V: 1,2; 24, с. 452, кат. 261]. Золотые и серебряные артефакты должны рассматриваться вместе, поскольку совпадение у них даже в деталях.

Необходимо упомянуть и относящийся к данному комплекту серебряный дровотый браслет (тип БП-1, по К.А. Руденко), стоящий по своим характеристикам особняком от всех остальных в этом наборе, но с декором, аналогичным вышеописанным изделиям [24, с. 417, кат. 184]. Этот артефакт – пока практически единственный среди известных серебряных и золотых браслетов из Булгарского улуса. Из случайных находок на Булгарском городище происходит фрагмент серебряного дровотого браслета, возможно, такого же типа, что и карашамский, но без черни [24, с. 387, кат. 97]. Впрочем, и в Золотой Орде в целом, дровотые браслеты встречаются не часто. Из близких изделий можно отметить золотые дровотые браслеты из кургана у с. Киевское Ставропольской губ. с рисунком стилизованной маски-личины на окончаниях [7, с. 230, кат. 132], при этом декор их в целом совершенно иной, и при этом не используется чернение. Близи к последним золотые браслеты с объемными головками драконов на окончаниях из Симферопольского клада [29, с. 80, кат. 510, 511]. Дровотые серебряные браслеты аналогичного дизайна, но с другими рисунками, имеются в иранских древностях XIV–XV вв. [44, р. 450, cat. no. 353].

К вышеописанным артефактам относится и пара серебряных перстней из клада (рис. 5: 3,4) с аналогичным декором (рисунок из стилизованных пальметт, украшенный чернью). Несмотря на типовую форму, перстни оформлены в едином стиле с рассмотренными выше браслетами. Именно эта партия серебряных изделий оказалась в клада с определенными дефектами, причем одного порядка, что может свидетельствовать о их производстве в одно время и, вероятно, в одной ювелирной мастерской, располагавшейся, скорее всего, в Булгаре.

Последнее предположение подтверждается и некоторыми другими находками художественных серебряных изделий с чернью из Булгарского городища, выполненными в том же стиле. Например, серебряная капторга (рис. 3: 4) с гравированным рисунком из полупальметт и растительного побега, украшенными позолотой. Найдена она в Пермской губернии, но стилистически относится к средневожскому региону, что отметил М.Г. Крамаровский [11, с. 139]. Наличие на цепочке крупных металлических бусин с характерным пояском на месте скрепления верхней и нижней половины, использование позолоты, свидетельствует о влиянии традиций ювелирного дела Прикамья.

Аналогичного типа цепочка с круглыми серебряными бусами с зернью имела на капторге из Щербеньского клада 1928 г. [5, с. 62, кат. 130], хотя сама она по оформлению совершенно иная: рисунки на ней из зерни. Капторги такого типа, достаточно крупного размера встречаются в булгаро-ордынских древностях не часто. Причем дизайн у них у всех различный, как, например, у изделия из Крещено-Елтанского клада (рис. 4: 1).

Востребованность такого рода художественных решений отчасти была обусловлена притоком в регион особых парадных изделий, в первую очередь поясов, которые производились в южных районах Золотой Орды и оформление которых было близко стилю вышерассмотренных изделий. Так, с Булгарского городища происходят серебряная деталь и серебряный наконечник от двух парадных поясов [24, с. 384–385, кат. 84, 89]. Последние имеют большое число аналогий в золотоордынских древностях XIV в., например, серебряном поясе из Мангупа (Крым) [7, с. 388–391, кат. 298].

Таким образом, группа серебряных и золотых с чернью браслетов и перстней с орнаментом из стилизованных растительных побегов и полупальметт из Карашамского клада была изготовлена в Булгаре в третьей четверти XIV в. В этой связи стоит сказать, что отмеченные Н.Ф. Калининым особенности декорирования серебряных черненых карашамских браслетов и перстней не обязательно являются свидетельством их поздней датировки и непосредственной связи с сокрытием клада. Можно предположить, что это могло быть следствием неопытности мастера при работе с чернью. Даже если процесс декорирования был прерван (например, в случае гибели или болезни ювелира), то это могло случиться гораздо раньше, чем сокрытие клада.

Интересно использование черни для оформления золотых изделий. Такой прием не встречался в практике булгарских ювелиров ни в домонгольское время, ни в раннее ордынское. Вместе с тем, чернение не редкость в оформлении иранских ювелирных украшений XII в., в том числе из золота [41, р. 145, 215, fig. 333–334, 532–534; 40, р. 102–103, cat. no. 30, 32; 39, р. 60–61, cat. no. 1]. В ордынское время география распространения золотых ювелирных украшений с чернью расширяется в северо-западном направлении от Ирана, достигая Северного Кавказа [7, с. 290, кат. 211]. Скорее всего, именно это воздействие и повлияло на появлении этой технологии в Булгаре.

Перейдем теперь к распространенным типам ювелирных изделий из кладов. Это перстни, серьги, булавки, подвески-амулетницы в виде миниатюрных коробочек и застежка-сюльгама. В Карашамском клада, помимо рассмотренных выше с гравированным черненым рисунком из полупальметт, были золотые и серебряные цельнолитые перстни (рис. 5). Первые из них (рис. 5: 1,2) относятся к серии распространенных в Золотой Орде перстней, с выступами-шишечками по углам прямоугольного щитка, украшенного гравированными изображениями, иногда с чернением, и с гравированными рисунками на шинке у мест крепления со щитком. Они датируются XIV – началом XV в. Вместе с тем, среди карашамских изделий нет распространенных в южной части Золотой Орды перстней с ромбовидным или миндалевидным щитком, которые известны и в золоте, и в серебре, например, из Солхата [11, с. 134–135, рис. 74; 7, с. 406–408, кат. 312, 314–316]. Учитывая особенности декора этих артефактов, однозначно признать их продукцией местного про-

изводства будет не корректно. Вопрос о происхождении данных золотых перстней остается пока открытым.

Серебряные карашамские перстни (рис. 5: 3–6) имеют стандартную форму, которая воспроизводилась в Булгарском улусе не только в золоте, как, например, в Булгарском кладе 2010 г. (рис. 6: 7), или в серебре, но и в стекле, и даже кости [24, с. 1–5, илл. 198]. Встречаются такие перстни и за пределами Булгарской области [37, с. 91, 119, илл. XXXVII]. Очевидно, что последние изготавливались в Булгаре, поскольку известны литейные формы для отливки таких изделий и готовые предметы из серебра и бронзы, изготовленные в таких формах [24, с. 113, 306, 375–376, кат. 61–65, илл. 210]. Такого рода перстни, судя по Булгарскому кладу 2010 г. (рис. 6), зарытому в первой половине XIV в., производились не позднее начала этого столетия. Два карашамских перстня (рис. 5: 5,6), явно использовались длительное время, о чем говорят стертые на щитке изображения и потертости на шинке. Два других – следов использования не имеют и составляли один комплект с серебряными браслетами с чернью.

В Карашамском кладе было еще несколько перстней, ныне утраченных, один из которых – серебряный со вставкой из стекла, известен по публикации [9, с. 118, рис. 38]. Перстни со вставками встречаются в Булгарском улусе редко. Такие изделия, только другого стиля, встречены, например, в Болгарском кладе 2010 г. (рис. 6: 6). Чаще всего это привозные поделки.

Интерес представляют изделия из кладов, которые хорошо известны по сериям аналогичных находок. Из Карашамского клада к таким относятся серебряные литые серьги в виде знака вопроса с многогранником внизу и проволочной накруткой на стержне (рис. 7: 3,4), а также золотые серьги, также в виде знака вопроса [9, с. 116, рис. 37]. Серебряные литые серьги с грузиком распространены как в Булгарском улусе, так и за его пределами, хотя такого вида поделки имеют некоторые региональные вариации. Помимо Булгара, где такие изделия встречаются часто, близкие карашамским серьги встречены в Барбашинском и Муранском могильниках XIV в. на Самарской Луке [19, с. 26, рис. 18; 2, с. 135; 1, с. 275, рис. 17: 1].

Также весьма популярными в золотоордынское время были золотые серьги в виде знака вопроса. Две таких серьги³ из Карашамского клада по ряду деталей, например, филигранному шарикю, схожи с золотой серьгой из Болгарского клада 2010 г. (рис. 6: 2), а также рядом подобных серег с Болгарского городища, особенно с теми, что имеют две подвески в виде стерженька с жемчугом и бусами в нижней части [24, с. 459, 499, кат. 289, 396].

Серебряные булавки-заколки с изображением птицы в верхней части из Карашамского клада (рис. 7: 5–7) имеют очень близкие аналогии с бронзовыми булавками из Нишапура и с городищ Чуйской долины [39, р. 32, 70, 71, cat. no. 68, 69; 37, с. 114, илл. XVII]. Дж. Аллан (James W. Allan) утверждает, что это традиционный для Ирана вид украшений, который был широко распространен в средневековых иранских городах [39, р. 32]. Более сложные композиции с птицами, венчающие такие булавки, имеются на серебряных сирийских или египетских ювелирных украшениях XIV–XV вв. [44,

³ Одна из них была повреждена, но, скорее всего, они были изначально одинаковы и составляли одну пару. Поврежденное изделие сохранилось [24, с. 456, кат. 279].

Рис. 1. Джукетауский клад. Браслет. Золото. XIV в. ГЭ, инв. № 30-717.
По: [7, с. 229, кат. 131; 29, с. 88, кат. 111]

Fig. 1. Juketau hoard. A bracelet. Gold. Fourteenth century. State Hermitage Museum, inventory number 30-717. According to: [7, p. 229, cat. 131; 29, p. 88, cat. 111]

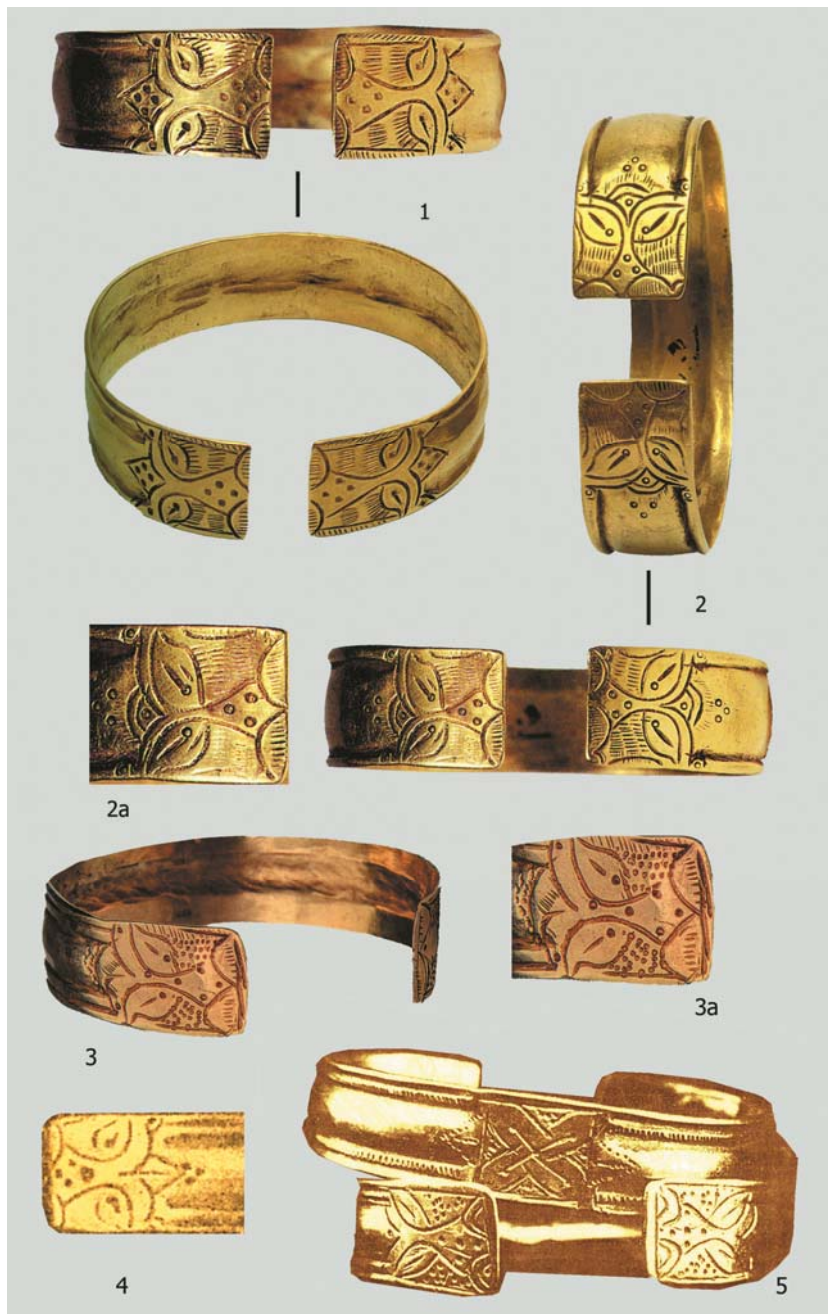

Рис. 2. Золотые браслеты из кладов (1,2,4,5) и Болгарского городища (3,3а).
 1,2 – Болгарский клад 1877 г. По: [7, с. 231, кат. 134; 29, с. 79, кат. 71, 72];
 3 – Болгарское городище, из коллекции А.Ф. Лихачева. ГЭ, инв. № 30-718.
 По: [7, с. 232, кат. 135]; 4 – Карашамский клад. По: [9, с. 118, рис. 38];
 5 – Джукетаусский клад. По: [28, рис. 3]

Fig. 2. Gold bracelets from hoards (1,2,4,5) and Bolghar settlement (3,3a).
 1,2 – Bolghar hoard of 1877. According to: [7, p. 231, cat. 134; 29, p. 79, cat. 71, 72];
 3 – Bolghar settlement, from the collection of A.F. Likhachev. State Hermitage Museum, inventory number 30-718. According to: [7, p. 232, cat. 135]; 4 – Karasham hoard.
 According to: [9, p. 118, fig. 38]; 5 – Juketau hoard. According to: [28, fig. 3]

Рис. 3. Золотые, серебряные браслеты (1-3,5) и капторга (4). 1 – золотой браслет из Булгара, коллекция А.Ф. Лихачева (НМ РТ, инв. № 5838). По: [25, с. 247, рис. 3: 3]; 2 – серебряный браслет, Карашамский клад (НМ РТ, инв. № 11437). По: [25, с. 252, рис. 5: 10,11]; 3 – серебряный браслет, Карашамский клад (НМ РТ, инв. № 11440). По: [7, с. 252, рис. 5: 13]; 4 – серебряная капторга с позолотой, Пермская губ. (ГЭ, инв. №V3-941); 4a – деталь. По: [7, с. 234–235, кат. 137]; 5 – заготовка золотого браслета из Селитренного городища (раскопки Г.А. Федорова-Давыдова, 1980 г.), Астраханский музей-заповедник, инв. № 31062. По: [6, с. 161, кат. 107]

Fig. 3. Gold, silver bracelets (1-3,5) and a kaptorga (4). 1 – gold bracelet from Bolghar, collection of A.F. Likhachev (National Museum of the Republic of Tatarstan, inventory number 5838). According to: [25, p. 247, fig. 3: 3]; 2 – Silver bracelet, Karasham hoard (National Museum of the Republic of Tatarstan, inventory number 11437). According to: [25, p. 252, fig. 5: 10,11]; 3 – silver bracelet, Karasham hoard (National Museum of the Republic of Tatarstan, inventory number 11440). According to: [7, p. 252, fig. 5: 13]; 4 – silver kaptorga with gilding, Perm province (State Hermitage Museum, inventory number V3-941); 4a – detail. According to: [7, p. 234–235, cat. 137]; 5 – semi-finished gold bracelet from the Selitrennoe settlement (excavations by G.A. Fedorov-Davydov, 1980), Astrakhan Museum-Reserve, inventory number 31062. According to: [6, p. 161, cat. 107]

Рис. 4. Крещено-Елтанский клад 1900 г. Изделия из серебра. 1; 1а (оборотная сторона) – капторга; 2-4 – браслеты. 1 – ГЭ, инв. № V3-108; 2 – ГЭ, инв. № 30-338; 3 – ГЭ, инв. № 30-337; 4 – ГЭ, инв. № 30-336. По: [7, с. 230, 316, кат. 113, 237]

Fig. 4. Krescheno-Eltansky hoard of 1900. Silverware. 1; 1a (reverse) – kaptorga; 2-4 – bracelets. 1 – State Hermitage Museum, inventory number V3-108; 2 – State Hermitage Museum, inventory number 30-338; 3 – State Hermitage Museum, inventory number 30-337; 4 – State Hermitage Museum, inventory number 30-336.

According to: [7, p. 230, 316, cat. 113, 237]

Рис. 5. Карашамский клад. Перстни. Золото (1,2) и серебро (3-6).
 1 – НМ РТ, инв. № 11422; 2 – НМ РТ, инв. № 11424; 3 – НМ РТ, инв. № 11425;
 4 – НМ РТ, инв. № 11426; 5 – НМ РТ, инв. № 11458; 6 – НМ РТ, инв. № 11456.
 По: [24, с. 374–375, 388, 451, 452, кат. 55, 59, 60, 100, 259, 262]

Fig. 5. Karasham hoard. Signet rings. Gold (1,2) and silver (3-6).
 1 – National Museum of the Republic of Tatarstan, inventory number 11422; 2 – National Museum of the Republic of Tatarstan, inventory number 11424; 3 – National Museum of the Republic of Tatarstan, inventory number 11425; 4 – National Museum of the Republic of Tatarstan, inventory number 11426; 5 – National Museum of the Republic of Tatarstan, inventory number 11458; 6 – National Museum of the Republic of Tatarstan, inventory number 11456.
 According to: [24, p. 374–375, 388, 451, 452, cat. 55, 59, 60, 100, 259, 262]

Рис. 6. Булгарский клад из золотых предметов 2010 года (раскоп СХLIX, соор. 14а; исследование В.С. Баранова). Первая половина XIV в. 1,2 – серьги в виде знака вопроса (БГИАМЗ, инв. №1338, 13340/412 арх.); 3 – проволочное кольцо (БГИАМЗ, инв. №1339/412 арх.); 4 – филигранная подвеска в виде птицы (БГИАМЗ, инв. №1341/412 арх.); 4а – обратная сторона (увеличено); 5 – филигранная пронизка (БГИАМЗ, инв. №1342/412 арх.); 5а – увеличено; 6 – перстень со вставками (БГИАМЗ, инв. №1337/412 арх.); 7 – литой перстень (БГИАМЗ, инв. №1343/412 арх.).

По: [16, с. 196–197, кат. 22.3.31–22.3.37]

Fig. 6. Bolghar hoard with gold objects of 2010 (excavation site СХLIX, 14а; research by V.S. Baranov). First half of the fourteenth century. 1,2 – question mark earrings (Bolghar Museum-Reserve, inventory number 13340/412 арх.); 3 – wire ring (Bolghar Museum-Reserve, inventory number 1339/412 арх.); 4 – filigree bird pendant (Bolghar Museum-Reserve, inventory number 1341/412 арх.); 4а – reverse side (enlarged); 5 – filigree thread (Bolghar Museum-Reserve, inventory number 1342/412 арх.); 5а – enlarged; 6 – ring with inserts (Bolghar Museum-Reserve, inventory number 1337/412 арх.); 7 – cast ring (Bolghar Museum-Reserve, inventory number 1343/412 арх.).

According to: [16, p. 196–197, cat. 22.3.31–22.3.37]

Рис. 7. Изделия из серебра и бронзы (2). Карашамский клад (1,3-7) и Булгарское городище (2,8). 1 – навершие головного убора. Серебро. XIV в. По: [9, с. 116, рис. 37]; 2 – матрица для изготовления наверший. Бронза. XIV в. БГИАМЗ, инв. № 1443-176/412 арх. По: [16, с. 172, кат. 20.2.11]; 3 – серебряная серьга в виде знака вопроса. НМ РТ, инв. № 11451, 4 – серебряная серьга в виде знака вопроса. НМ РТ, инв. № 11466. По: [24, с. 463, кат. 310, 311]; 5 – серебряная заколка. НМ РТ, инв. № 11435; 6 – серебряная заколка. НМ РТ, инв. № 11464; 7 – серебряная заколка. НМ РТ, инв. № 11434. По: [24, с. 496, кат. 383-385]; 8 – золотая филигранная заколка. Булгар. По: [7, с. 152, кат. 67]

Fig. 7. Silver and bronze items (2). Karasham hoard (1,3-7) and Bolghar settlement (2,8). 1 – headdress pommel. Silver. Fourteenth century. According to: [9, с. 116, рис. 37]; 2 – matrix for making pommels. Bronze. Fourteenth century. Bolghar Museum-Reserve, inventory number 1443-176/412 арх. According to: [16, p. 172, cat. 20.2.11]; 3 – silver question mark earring. National Museum of the Republic of Tatarstan, inventory number 11451, 4 – silver question mark earring. National Museum of the Republic of Tatarstan, inventory number 11466. According to: [24, p. 463, cat. 310, 311]; 5 – silver hairpin. National Museum of the Republic of Tatarstan, inventory number 11435; 6 – silver hairpin. National Museum of the Republic of Tatarstan, inventory number 11464; 7 – silver hairpin. National Museum of the Republic of Tatarstan, inventory number 11434. According to: [24, p. 496, cat. 383-385]; 8 – gold filigree hairpin. Bolghar. According to: [7, p. 152, cat. 67]

Рис. 8. Джукетаусский клад. Навершие головного убора.
Золото, филигрань. XIV в. По: [18, с. 129, рис. 2]

Fig. 8. Juketau hoard. Top of the headdress.
Gold, filigree. Fourteenth century. According to: [18, p. 129, fig. 2]

р. 416–417, cat. no. 310–313]. Им близка золотая филигранная заколка из Болгара (рис. 7: 8). Она относится к кругу филигранных украшений, встреченных в Булгаре, в числе которых отметим подвеску в виде птицы – «орлика» и миниатюрную пронизку из Булгарского клада 2010 г. (рис. 6: 4, 5). Правда, последние не встречаются в булгарских материалах и, скорее всего, являются привозными. Несколько филигранных золотых пронизок обнаружены при раскопках в Новгороде в слое XIV в. И.А. Стерлигова, обратившая внимание на сходство новгородских изделий с находками из клада в Булгаре, интерпретировала последние как детали иконного приклада [32, с. 219, 221–222, рис. 1; 4]. Филигранная фигура птицы («орлик») имеет ранние прототипы (XII–XIII вв.) в сирийско-византийском исполнении [33, с. 138, кат. 126].

В целом, серебряные заколки, появившиеся в XII в. в Волжской Булгарии и бытовавшие практически в том же виде в Булгарском улусе Золотой Орды до конца XIV в., изготавливались из серебра, но имели вместо изображения птицы полусферическую шляпку с окантовкой по краю сканью и шариком зерни сверху. Такие поделки вместе с коробочкой-подвеской встречены в Булгарском клада 2012 г., зарытым в последней трети XIV в. [26, с. 262–263, рис. 4: 1–3].

Карашамская серебряная с позолотой подвеска-коробочка [9, с. 118, рис. 38] относится к типу украшений, бытовавших в средневожском регионе в первую очередь у волжских болгар с XI–XII в. У последних декор был выполнен гравировкой, причем рисунки оттенялись чернью. Сюжет изображений на таких артефактах был, в основном, идентичен рисункам на булгарских серебряных перстнях, выполненных в той же технике. На этом сходство заканчивается. Подвески-коробочки ордынского времени украшены сканью и зернью с использованием вставок из бирюзы и жемчуга, реже – мелких фрагментов глазурованной керамики. Скорее всего, различались они и по расположению в ансамбле украшений костюма.

Почти абсолютная аналогия карашамской подвеске-коробочке встречена в материалах Муранского могильника XIV в. на Самарской Луке из раскопок В.Н. Поливанова [19, с. 25–26, рис. 16]. Такого же типа подвески-коробочки имеются в Булгарском клада 2012 г., собранном в третьей четверти XIV в. Совпадают размеры и общая композиция декора, за исключением мелких деталей: вставка на карашамской коробочке бирюзовая, а на булгарских – это мелкие фрагменты глазурованной керамики бирюзового цвета [26, с. 263–264, 269, рис. 3: 1,2]. Кстати, такая же вставка была и на муранской подвеске-коробочке. Золотая коробочка-подвеска из Симферопольского клада, внешне похожая на карашамскую, отличается от нее и от изделий из булгарского клада не только более крупными размерами, но и декором: наличием объемных элементов на лицевой стороне и петелек для каких-то декоративных элементов в нижней части [29, с. 123, кат. 487]. В Центральной Азии в XII–XIV вв. бытовали филигранные золотые подвески-коробочки (амулетницы), о чем свидетельствуют археологические находки, например, из городища Бурана в Кыргызстане [37, с. 86, 108, илл. XLII а.б]. По размеру и элементам композиции, таким как центральная вставка из бирюзы, а также окантовке края коробочки сканой проволокой, они близки карашамской.

Серебряная сьюльгама с подвесками [9, с. 116, рис. 37; 24, с. 495, кат. 382] выбивается из общего состава обоих кладов. Это характерное для мордвы ук-

рашение имеет, помимо зернового орнамента на подтреугольных лопастях, бипирамидальные подвески на цепочках, не характерные для болгарских ювелиров. Сами по себе бронзовые сюльгамы нескольких типов, в том числе лопастные, встречаются достаточно часто в Булгаре [23, с. 198–200, рис. 65: 17–23]. Близкие аналоги встречены при раскопках мордовского Барбашинского могильника XIV в. и Муранского селища того же времени [2, с. 128, 132; 30, с. 162, рис. 21; 31, с. 18: 17, 18]. Серебряная сюльгама с зерновым декором найдена на раскопе III 1950 г., мордовского Муранского могильника XIV в. [1, с. 272, 274, рис. 16: 6]. С этого же могильника из раскопок В.Н. Поливанова происходит целая серия подобного рода серебряных сюльгам с зерновым узором с подвесками к ним в виде бипирамидальных элементов или бубенчиков, укрепленных на цепочках, нередко дополнявшимися серебряными фигурками птиц, украшенных сканью, а также цилиндрическими амулетницами с зерновым декором [20, табл. I; 21, с. 26]. Карашамская сюльгама относится к этой серии изделий и изготовлена, скорее всего, на Муранском селище, как, вероятно, и большая часть изделий из Муранского могильника.

Рассмотрим теперь не столь распространенные в Булгарском улусе изделия из этих кладов. Это навершия и детали головных уборов. Навершия головных уборов в кладах Булгарского улуса встречаются редко. Из Карашамского клада происходит серебряная шестилепестковая штампованная пластина диаметром 6,5 см. с рельефным орнаментом из трилистников, вписанных в крупные фигурные лепестки розетки (рис. 7: 1). Идентичные бляхи из золота и серебра с сохранившимся декоративным шариком в центре, закрепленном на небольшом основании, который на карашамской бляхе отсутствует, имелись в коллекции А.Ф. Лихачева из Булгара [13, табл. V: 4; VIII: 4]. В 2010 г. на раскопе СХLIX на Булгарском городище была обнаружена бронзовая матрица для изготовления таких блях (рис. 7: 2) (БГИАМЗ, инв. № 1443–176/412 арх) [16, с. 176, кат. 20.2.11]. Г.Ф. Полякова опубликовала выразительную серию небольших литых бронзовых наверший головных уборов, также происходящих из Булгара, и литейные формы для их отливки [22, с. 138–141, рис. 1]. Композиционно и по оформлению они близки карашамской и болгарской бляхам. Атрибуция этих артефактов как наверший женских головных уборов была выдвинута еще А.Ф. Лихачевым в третьей четверти XIX в., а затем аргументирована Г.Ф. Поляковой с датировкой золотоордынским временем и принадлежностью их к так называемым «боккам». Она же провела параллели этим артефактам с навершием женского головного убора из Симферопольского клада [22, с. 140–141; 23, с. 169, рис. 60; 1–4, прим. 32]. Позже эту идею развил М.Г. Крамаровский, определив данные артефакты как детали мужских шапок-орбелге [11, с. 31–32]. Вполне очевидно, что рассмотренные детали изготавливались в Булгаре из золота, серебра, а их более простые варианты – из бронзы во второй половине XIV в., придавая головному убору особую роль в демонстрации статуса владельца.

О джукетауском головном уборе с драгоценным убором судить сложно, поскольку детали его не сохранились, хотя филигранное навершие определяется достаточно легко (рис. 8). Нижняя часть этого артефакта сделана по матрице, подобной той, что применялась для штамповки карашамского навершия, а сама форма навершия близка сохранившимся бронзовым навершиям [22, с. 139, рис. 2].

Из других деталей и украшений головного убора из Джукетауского клада отметим призматическую филигранную привеску-амулетницу (тумар) с гнездом для вставки [28, рис. 1]. Она имеет многочисленные аналогии как в золотоордынских древностях, так и в изделиях Хулагуидского Ирана. Они датируются 1350–1390-ми гг. [7, с. 157, кат. 75]. Ранние прототипы их известны в Мавераннахре в XI–XII вв. [34, с. 56–57].

Отдельные круглые медальоны и «гнезда» со вставками из Джукетауского клада, кратко описанные В.Ф. Смолиным, вероятно, также относятся к украшениям головного убора, если исходить из материалов Симферопольского клада. Кроме того, близкие изделия встречались в находках с Болгарского городища [13, табл. VIII: 10].

Таким образом, проведенный анализ показал, что Джукетаусский и Карашамский клад формировались в разных условиях и из разных по происхождению предметов. Первый из них включал в себя один комплект украшений, по большей части привезенных из южных областей Золотой Орды – золотые ажурные браслеты, украшения головного убора с накладками и другими аксессуарами: медальонами, брошью, амулетницей и т.п.; дополненный золотыми пластинчатыми браслетами производства ювелиров Булгара. К этому добавим золотые индийские монеты и жемчужные ожерелья. Судя по составу, Джукетаусский клад был сформирован как сокровище в короткий промежуток времени во второй четверти XIV в.

Карашамский клад содержал несколько комплектов украшений, имеющих аналоги в ювелирных изделиях из Булгара. В нем также немало предметов, бытовавших длительное время, что позволяет предположить, что он является кладом длительного накопления. Это подтверждается и солидным набором (102 ед.) серебряных монет, большая часть которых была накоплена владельцем во время правления Джанибека (1342–1357). При этом среди всех монет есть экземпляры с припаянным ушком, то есть использовавшиеся как украшение. Отметим, что часть предметов клада явно составляла логические наборы, связанные с их функциональным использованием в качестве украшения прически, головы и т.д., например, золотые серьги в виде знака вопроса, серебряные и золотые кольца, последние, свернутые в спираль (по 2 экз.), или серебряные заколки (3 шт.). При этом большая часть даже функционально одинаковых изделий, таких как браслеты и перстни, были стилистически неоднородными и вряд ли, за редким исключением (НМ РТ, инв. № 11446 и 11444; утрачен, но имеется изображение: [9, с. 118, рис. 38]), являлись в каких-либо сочетаниях одним комплектом. Это особенно хорошо заметно, если сравнить их с серебряными браслетами из Крещено-Елтанского 1900 г. и Булгарского 2012 г. кладов, в составе которых были парные изделия. Исключение составляют необычные для ювелиров Булгарского улуса черные серебряные браслеты и перстни, выдержанные в едином стиле, вышедшие, скорее всего, из одной мастерской и приобретенные, скорее всего, одновременно. Этого нельзя сказать о серебряных пластинчатых браслетах с масками-личинами на окончаниях. Некоторые из них имеют следы длительного ношения, остальные индивидуальны в деталях изображений и, как говорилось выше, вряд ли носилось в парах. Такие браслеты собирали постепенно, но не для ношения, а как сокровище. Также спонтанно, скорее всего, была приобретена и фигурная накладка головного убора.

Показательно то, что в Карашамском кладе находилось определенное число несложных по технологии изготовления изделий из серебра, таких как серьги в виде знака вопроса, которые приобретали прежде всего представители среднего городского класса – богатые ремесленники, торговцы. Кроме того, судя по серебряной сьюльгаме, владелец клада имел какое-то отношение либо к ювелирному центру на Муранском поселении, либо к мордовской диаспоре в средневековом Болгаре [27, с. 65–66].

Обсуждение

Полученные результаты позволяют обратиться к вопросу о месте производства изделий этих кладов. Джукетауский клад практически весь состоял из привозных предметов, исключая золотые пластинчатые браслеты с масками-личинами, которые, судя по характеру рисунков на них, могли быть изготовлены в Булгаре или в Булгарской области, в целом. Предположение о производстве ювелирных изделий высокого профессионального уровня в золотоордынском Булгаре основывается как на уже известных фактах, так и на археологических открытиях второй половины XX – начала XXI в. Так, изучение каменных надгробий с эпитафиями с престижных кладбищ, находившихся в центре Булгара, в XIX в., позволило установить, что здесь в начале лета 1317 г. был похоронен золотых дел мастер Шагидулла сын Мусы [38, табл. 15]. Он, судя по эпитафии, был известным мастером-ювелиром и уважаемым человеком, занимавшимся благотворительностью и меценатством. Возможно, Шагидулла был одним из тех, кто возглавлял одну из ювелирных мастерских Булгара в начале XIV в.

Одним из вероятных мест, где могли работать ювелиры в конце XIII – первой половине XIV в., был центр города. Это имеет подтверждение и в археологическом материале: в 1960–1970-х гг. в центральной части Булгарского городища были исследованы мастерские и жилища ювелиров, функционировавшие в основном в первой половине XIV в. [23, с. 158]. Подтвердили этот факт и раскопки 2014–2017 гг. у Соборной мечети, где в районе центрального рынка был изучено несколько усадеб ювелиров и ремесленных мастерских, датированных концом XIII – первой третью XIV в. Здесь были зафиксированы следы ювелирного производства, найдены инструменты, тигли для литья, а также несколько десятков створок литейных форм для изготовления металлических украшений, в том числе браслетов и перстней [3, с. 280, 285, рис. 5: 1,3; 6]. Мы не исключаем, что именно здесь и работала первая из определенных нами ювелирных мастерских. Она прекратила свое существование в конце 1340-х гг. в результате пожара⁴. После этого данный участок городской застройки был перепланирован, и на его месте в середине XIV в. было возведено здание городского рынка [3, с. 283].

Долгое время место находки Джукетауского клада автоматически ассоциировалось и с местом, где предметы из него, за некоторыми исключениями, были изготовлены – это городище Джукетау. Однако многолетние археологические раскопки на территории самого городища и Донауровских селищ

⁴ Можно предположить, что другой причиной прекращения работы мастерской была эпидемия чумы, первая волна которой пришла в Поволжье в 1346 г. и штамм которой был зафиксирован в результате недавних исследований антропологического материала с нескольких некрополей в Булгарской области Золотой Орды [42, р. 874–881].

(посада города), где были выявлены следы ремесленного производства, не дали оснований для обоснования такого мнения [18]. Джукетауский клад был личным сокровищем, и его владелец мог приобрести или заказать изготовление предметов в другом месте. По результатам нашего исследования, это мог быть Булгар, где функционировала в первой половине XIV в. ювелирная мастерская и продавались предметы из разных частей монгольской империи, в том числе и южных районов Золотой Орды. Об этом можно судить по отдельным находкам ювелирных изделий на Булгарском городище, сопоставимым с украшениями из Джукетау и Симферопольского клада.

Карашамский клад в целом не имеет смысла связывать с каким-либо конкретным населенным пунктом Предволжья эпохи Золотой Орды. Он входит в группу крупных денежных кладов конца XIV – начала XV в., типа Каратунского, Мало-Атрясинского или тетюшских. Атрибуция изделий Карашамского клада позволяет выявить определенную связь его владельца с Булгаром и тем самым наметить одно из направлений движения этих сокровищ в данный период. Что касается самих предметов из Карашамского клада, то мы считаем, что золотые, серебряные браслеты и перстни с чернью и оригинальным дизайном были изготовлены в ювелирной мастерской Булгара, функционировавшей примерно в 1350-х – начале 1370-х гг., мастер которой в своих изделиях не только следовал местным традициям металлообработки, но и хорошо знал и применял на практике опыт крупнейших центров по производству художественных изделий, прежде всего иранских.

Основные выводы

Таким образом, основной состав Карашамского клада был представлен предметами местного производства, а именно продукцией ювелирной мастерской, которая функционировала в Булгаре в 1350-х – 1370-х гг., что подтверждает анализ материалов отдельных находок и синхронных кладов, найденных в самом Булгаре и в Крещеном Елтане. В джукетауском кладае, несмотря на преобладание привозных изделий, пара золотых браслетов также была изготовлена в Булгаре, но в другой ювелирной мастерской, предшественницей вышеупомянутой, которая возникла в конце XIII и работала до конца 40-х гг. XIV в.

Большая часть изделий Карашамского клада была изготовлена в Булгаре во второй–третьей четверти XIV в. Сам по себе он был кладом длительного накопления и включал в себя изделия, изготовленные и бытовавшие в разное время – с первых десятилетий XIV в. и до 1370-х гг. В его составе имелось несколько комплектов украшений. Один из них включал браслеты, перстни с черневым декором, выполненные, вероятно, в одной мастерской и связанные с изготовлением золотых черненых изделий в 1350-х – начале 1370-х гг. Второй комплект – это серебряные пластинчатые браслеты с львиноподобными масками-личинами, несколько перстней и набор булавок. К нему следует отнести и серебряное штампованное навершие головного убора. В третий комплект можно включить серебряную подвеску-коробочку, серьги с грузиками, сюльгаму с подвесками. Редкие золотые изделия, не имевшие особого художественного статуса – кольца, серьги и обломки браслета, выступали только как материальная ценность, хотя изначально, вероятно, использовались по назначению. Учитывая многочисленные параллели в составе клада с

отдельными находками и предметами из кладов в Булгаре, можно предположить, что владелец его и был жителем этого города, по каким-то причинам покинувшим его с сокровищем в начале XIV в.

Изучение изделий Карашамского клада позволяет высказать предположение о том, что в Булгарской области Золотой Орды существовало как минимум два центра как элитного, производившего золотые украшения и, реже серебряные, так и более «демократического» производства ювелирных изделий из серебра и, реже, золота. Первый – это мастерские в Булгаре, а второй – Муранское поселение на Самарской Луке. Имелись в Булгарском улусе и небольшие локальные центры ювелирного дела, но о их существовании имеются только косвенные данные.

Джукетауский клад был спрятан владельцем не ранее третьей четверти XIV в. и являлся личным сокровищем. Судя по его составу, собирался он недолго, и все предметы попали в него практически одновременно. Какой-либо связи с ремесленной деятельностью самого Джукетау предметы из клада не обнаруживают. Джукетауские золотые пластинчатые браслеты были, скорее всего, произведены ювелирами Булгара.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алихова А.Е.* Муранский могильник и селище // Труды Куйбышевской археологической экспедиции / отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. I. С. 259–301.
2. Археологические памятники Самары / сост. Д.А. Сташенков, А.Ф. Кочкина. Самара: Изд-во СОИКМ, 2012. 160 с.
3. *Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю.* Исследования ремесленно-торгового района средневекового Болгара // Поволжская археология. 2018. № 2 (24). С. 270–289. <https://doi.org/10.24852/ra2018.2.24.270.289>.
4. *Власкин М.В., Гармашов А.И., Доде З.В., Науменко С.А.* Погребения знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала. М.: Памятники исторической мысли, 2006. 232 с.
5. Выставка болгарских древностей (По исследовательским материалам революционного периода) / ред. П.М. Дульский. Казань: Издание ДТК, 1929. 76 с.
6. Золотая Орда: история и культура. Каталог выставки. СПб.: Славия, 2005. 264 с.
7. Золотая Орда и Причерноморье: уроки чингисидской империи. Каталог выставки. М.: Изд-во Фонда Марджани, 2019. 504 с.
8. Ефимов К.Ю. Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь» // Донская археология. 1999. № 3–4 (4–5). С. 93–108.
9. *Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. Казань: Таткнигоиздат, 1954. 128 с.
10. *Крамаровский М.Г.* «Булгарские» браслеты: генезис декора и локализация // Сообщения Государственного Эрмитажа. Ленинград: Аврора, 1978. Вып. XLIII. С. 46–51.
11. *Крамаровский М.Г.* Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.: Славия, 2001. 364 с.
12. *Крамаровский И.Г., Полубояринова М.Д.* К характеристике городского ювелирного дела Золотой Орды // Советская археология. 1982. № 3. С. 96–102.
13. *Лихачев А.Ф.* Археологические таблицы. Казань, 1924. 33 с.
14. *Мальм В.А.* Симферопольский клад. М.: Внешторгиздат, 1987. 32 с.

15. Музей Болгарской цивилизации, Т. I: Древний Болгар: жизнь города. Каталог /сост. В.С. Баранов, Д.Г. Бугров, А.Г. Ситдииков. Казань: Главдизайн, 2016. 267 с.
16. Музей Болгарской цивилизации, Т. II: История тюрко-болгарской цивилизации. Каталог /сост. В.С. Баранов, Д.Г. Бугров, А.Г. Ситдииков. Казань: Главдизайн, 2016. 254 с.
17. *Мыськов Е.П.* Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: Изд-во ВФ ФГБОУ РАНХиГС, 2015. 484 с.
18. *Набиуллин Н.Г.* Джукетау – город булгар на Каме. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 143 с.
19. Отчет Императорской археологической комиссии за 1893 г. СПб.: Главная типография уделов, 1895. 122 с.
20. *Поливанов В.Н.* Муранский могильник. М.: Тов-во Скорп. А.А. Левинсон, 1896. 16 с.
21. *Поливанов В.Н.* Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск: Типо-литогр. А.Т. Токарева, 1900. 71 с.
22. *Полякова Г. Ф.* Бляхи-навершия головных уборов из Болгар // Проблемы археологии Евразии / отв. ред. С.В. Студзицкая. М.: Изд-во ГИМ, 1990. С. 138–141.
23. *Полякова Г.Ф.* Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1996. С. 154–268.
24. *Руденко К.А.* Булгарское серебро. Древности Биляра. Казань: Заман, 2015. Том II. 528 с.
25. *Руденко К.А.* Золотые и серебряные браслеты XIII–XIV вв. из Булгарской области Золотой Орды: систематизация, атрибуция и датировка // В поисках сущности. Сборник статей в честь 60-летия Н.Д. Руссева / ред. М.Е. Ткачук, Г.Г. Атанасов. Кишинёв: Stratum+, 2019. С. 239–262.
26. *Руденко К.А., Елкина И.И.* Ювелирные украшения из захоронений в южной части Булгарского городища (раскопы CLXXIV и CCXIV. Раскопки 2012 и 2015 гг.) // Поволжская археология. 2017. №4 (22). С. 258–274 DOI: <https://doi.org/10.24852/ra2017.4.22.258.274>
27. *Смирнов А.П.* Волжские булгары. М.: ГИМ, 1951. 276 с.
28. *Смолин В.Ф.* Клад восточных золотых предметов из болгарского города Джукетау // Вестник научного общества Татароведения: посвящается 5-летию Татарской Республики. 1925. Май–июнь. С. 16–28.
29. Сокровища Золотой Орды. Каталог выставки. СПб.: Славия, 2000. 346 с.
30. *Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф.* Б.А. Латынин. Самарский период жизни. Саратов: Изд-во «Новый ветер», 2008. 200 с.
31. *Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф.* Муранское селище – памятник золотоордынского времени на реке Усе (к истории изучения и новые материалы) // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области) / отв. ред. А.В. Богачев. Самара: СООО «САО», 2013. С. 248–276.
32. *Стерлигова И.А.* Новгородский след в истории древнерусских золотых ряс // «Нескончаемое лето». Сборник статей в честь Елены Александровны Рыбиной / Отв. ред.–сост. В.К. Сингх. М.; Великий Новгород: МГУ, 2018. С. 219–223.
33. Украшения Востока. Из коллекции Патти Кадби Берч, США. Каталог выставки. Париж: Издательство: CARACTERE, 1999. 150 с.
34. *Фахрутдинов Д.А.* Ювелирное искусство Мавераннахра // Художественная культура Средней Азии IX – начале XIII века / ред. Л.И. Ремпель. Ташкент: Изд. Литры и искусства, 1983. С. 49–68.
35. *Фахрутдинов Р.Г.* Археологические памятники Камско-Волжской Булгарии и ее территория. Казань, 1975. 219 с.

36. Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. 352 с.
37. Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV вв., Том III: Торевтика / науч. ред. К. Байпаков, Ш. Пидаяев, А. Хакимов. Самарканд-Ташкент: МИЦАИ, 2012. 297 с.
38. Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 323 с.
39. Allan W.J. Nishapur: Metalwork of the Early Islamic Period. N.-Y.: Metropolitan Museum of Art, 1982. 120 p.
40. Canby Sh.R., Beyazit D., Ruziadi, Peacock A.C.S. Court and Cosmos: The Great Age of the Seljuqs. Catalog Exhibition. N.-Y.: The Metropolitan Museum of Art, 2016. 366 p.
41. Tait H. (Ed.) Jewelry, 7 000 Years: An International History and Illustrated Survey from the Collection of the British Museum. N.-Y.: Abradale Press, 1991. 255 p.
42. Spyrou M.A., Tukhbatova R. I., Feldman M., Drath J., Kacki S., Beltrán de Heredia J., Arnold S., Sitdikov A.G., Castex D., Wahl J., Gazimzyanov I.R., Nurgaliev D.K., Herbig A., Bos K.I., Krause J. Historical Y. pestis genomes reveal the European Black Death as the source of ancient and modern plague pandemics // Cell Host & Microbe. 2016. Vol. 19. No. 6. P. 874–881.
43. Spink M. (ed.). The Art of Adornment. Jewellery of the Islamic Lands. London: The Nour Foundation; Azimuth Editions, 2013. Part 1. 372 p.
44. Spink M. (ed.). The Art of Adornment. Jewellery of the Islamic Lands. London: The Nour Foundation; Azimuth Editions, 2013. Part 2. 704 p.

СОКРАЩЕНИЯ

БГИАМЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
 ГЭ – Государственный Эрмитаж
 НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан

Сведения об авторе: Константин Александрович Руденко – доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный институт культуры (420059, Оренбургский тракт, 3, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-4067-9287. E-mail: murziha@mail.ru

Поступила 2.06.2021 Принята к публикации 26.08.2021
 Опубликовано 29.09.2021

REFERENCES

1. Alikhova A.E. Muran burial ground and settlement. *Proceedings of the Kuibyshev Archaeological Expedition*. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1954, vol. 1, pp. 259–301. (In Russian)
2. Stashenkov D.A., Kochkina A.F. (ed.). *Archaeological Sites of Samara*. Samara: SOIKM, 2012. 160 p. (In Russian)
3. Badeev D.Yu., Koval V.Yu. Studies of the handicraft and commercial district in medieval Bolghar. *The Volga River Region Archaeology*. 2018, no. 2 (24), pp. 270–289. <https://doi.org/10.24852/pa2018.2.24.270.289>. (In Russian)
4. Vlaskin M.V., Garmashov A.I., Dode Z.V., Naumenko S.A. *Nobility's Burials of the Golden Horde Time in the Interfluvium of the Don and Sal*. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2006. 232 p. (In Russian)

5. Dulsky P.M. (ed.) *Exhibition of Bulgharian Antiquities (Based on Research Materials from the Revolutionary Period)*. Kazan: DTK, 1929. 76 p. (In Russian)
6. *The Golden Horde: History and Culture. Exhibition Catalog*. St. Petersburg: Slaviya, 2005. 264 p. (In Russian)
7. *The Golden Horde and Black Sea Region: Lessons from the Chinggisid Empire. Exhibition Catalog*. Moscow: Izdatel'stvo Fonda Mardzhani, 2019. 504 p. (In Russian)
8. Efimov K.Yu. Golden Horde burials from the "Deer-Well" repository. *The Don Archaeology*. 1999, no. 3–4 (4–5), pp. 93–108. (In Russian)
9. Kalinin N.F., Khalikov A.Kh. *Results of Archaeological Work for 1945–1952*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1954. 128 p. (In Russian)
10. Kramarovsky M.G. "Bulgharian" bracelets: The genesis of decor and localization. *Communications of the State Hermitage Museum*. Leningrad: Avrora, 1978, vol. 43, pp. 46–51. (In Russian)
11. Kramarovsky M.G. *Gold of the Chinggisids: Cultural Heritage of the Golden Horde*. St. Petersburg: Slaviya, 2001. 364 p. (In Russian)
12. Kramarovsky I.G., Poluboyarinova M.D. On the characteristics of the urban jewelry business of the Golden Horde. *Soviet Archaeology*. 1982, no. 3, pp. 96–102. (In Russian)
13. Likhachev A.F. *Archaeological Tables*. Kazan, 1924. 33 p. (In Russian)
14. Malm V.A. *Simferopol Hoard*. Moscow: Vneshtorgizdat, 1987. 32 p. (In Russian)
15. Baranov V.S., Bugrov D.G., Sitdikov A.G. (eds). *Museum of the Bolghar Civilization, Vol. 1: Ancient Bolghar: Life of the Town. Catalog*. Kazan: Glavdizain, 2016. 267 p. (In Russian)
16. Baranov V.S., Bugrov D.G., Sitdikov A.G. (eds). *Museum of the Bolghar Civilization, Vol. 2: History of the Turkic-Bulgharian Civilization. Catalog*. Kazan: Glavdizain, 2016. 254 p. (In Russian)
17. Myskov E.P. *Nomads of the Volga-Don Steppes during the Era of the Golden Horde*. Volgograd: VF FGBOU RANKhiGS, 2015. 448 p. (In Russian)
18. Nabiullin N.G. *Juketau: A City of the Bulgarians on the Kama*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2011. 143 p. (In Russian)
19. *Report of the Imperial Archaeological Commission for 1893*. St. Petersburg: Glavnaya tipografiya udelov, 1895. 122 p. (In Russian)
20. Polivanov V.N. *Muransky Burial Ground*. Moscow, 1896. 16 p. (In Russian)
21. Polivanov V.N. *Archaeological Map of the Simbirsk Province*. Simbirsk: Tipolitografiya A.T. Tokareva, 1900. 71 p. (In Russian)
22. Polyakova G.F. Flags-tops of headgear from Bolghar. *Problems of Eurasian Archaeology*. Moscow: Izdatelstvo GIM, 1990, pp. 138–141. (In Russian)
23. Polyakova G.F. Products from non-ferrous and precious metals. *The City of Bolghar: Craft of Metallurgists, Blacksmiths, and Casters*. Kazan: IYaLI AN RT, 1996, pp. 154–268. (In Russian)
24. Rudenko K.A. *Bulgharian Silver. Antiquities of Bilyar*. Kazan: Zaman, 2015, vol. 2. 528 p. (In Russian)
25. Rudenko K.A. Gold and silver bracelets of the thirteenth and fourteenth centuries from the Bulgharian region of the Golden Horde: Systematization, attribution, and dating. "In Search of Essence". *Collection of Articles in Honor of the 60th Anniversary of N.D. Russev*. Tkachuk M.E., Atanasov G.G. (eds). Chisinau: Stratum+, 2019, pp. 239–262. (In Russian)
26. Rudenko K.A., Elkina I.I. Jewelry from burials in the southern part of Bolghar settlement (excavations CLXXIV and CCXIV. Excavations of 2012 and 2015). *The Volga River Region Archaeology*. 2017, no. 4 (22), pp. 258–274 DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2017.4.22.258.274> (In Russian)
27. Smirnov A.P. *The Volga Bulgars*. Moscow: GIM, 1951. 276 p. (In Russian)

28. Smolin V.F. Hoard of Oriental gold objects from the Bulgarian town of Juketau. *Bulletin of the Academic Society of Tatar Studies: Dedicated to the Fifth Anniversary of the Tatar Republic*. 1925, May–June, pp. 16–28. (In Russian)
29. *Treasures of the Golden Horde. Exhibition Catalog*. St. Petersburg: Slaviya, 2000, 346 p. (In Russian)
30. Stashenkov D.A., Kochkina A.F. *B.A. Latinin. The Samara Period of Life*. Saratov: Izdatel'stvo "Novyy veter", 2008. 200 p. (In Russian)
31. Stashenkov D.A., Kochkina A.F. Muranskoe Selishche: A settlement of the Golden Horde time on the Usa river (to the history of the study and new materials). *The Middle Ages. The Great Migration of Peoples (based on materials of archaeological monuments in the Samara region)*. Samara: SOOO "SAO", 2013, pp. 248–276. (In Russian)
32. Sterligova I.A. Novgorod trace in the history of ancient Russian golden robes. *The "Endless Summer". Collection of Articles in Honor of Elena A. Rybina*. Moscow; Veliky Novgorod: MGU, 2018, pp. 219–223. (In Russian)
33. *Ornaments of the East. From the Collection of Patti Cadby Burch, USA. Exhibition Catalog*. Paris: Izdatel'stvo: CARACTERE, 1999. 150 p. (In Russian)
34. Fakhretdinov D.A. Jewelry art of Mawerannah. *Artistic Culture of Central Asia from the ninth to beginning of thirteenth century*. Rempel L.I. (ed.). Tashkent: Izdatel'stvo Literatry i iskusstva, 1983, pp. 49–68. (In Russian)
35. Fakhrutdinov R.G. *Archaeological Sites of the Kama-Volga Bulgaria and Its Territory*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1975. 219 p. (In Russian)
36. Fedorov-Davydov G.A. *Coinage of the Golden Horde*. Moscow: Paleograf, 2003. 352 p. (In Russian)
37. Baipakov K., Pidaev S., Khakimov A. (eds). *The Art Culture of Central Asia and Azerbaijan from the ninth to fifteenth centuries*, Vol. 3: *Toreutics*. Samarkand; Tashkent: MITsAI, 2012. 297 p. (In Russian)
38. Yusupov G.V. *Introduction to the Bulgarian-Tatar Epigraphy*. Moscow; Lenin-grad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1960. 332 p. (In Russian)
39. Allan W.J. *Nishapur: Metalwork of the Early Islamic Period*. N.-Y.: Metropolitan Museum of Art, 1982. 120 p.
40. Canby Sh.R., Beyazit D., Rugiadi, Peacock A.C.S. *Court and Cosmos: The Great Age of the Seljuqs. Catalog Exhibition*. N.-Y.: The Metropolitan Museum of Art, 2016. 366 p.
41. Tait H. (ed.). *Jewelry, 7 000 years: An International History and Illustrated Survey from the Collection of the British Museum*. N.-Y.: Abradale Press, 1991. 255 p.
42. Spyrou M.A., Tukhatova R.I., Feldman M., Drath J., Kacki S., Beltrán de Heredia J., Arnold S., Sitdikov A.G., Castex D., Wahl J., Gazimzyanov I.R., Nurgaliev D.K., Herbig A., Bos K.I., Krause J. Historical Y. pestis genomes reveal the European Black Death as the source of ancient and modern plague pandemics. *Cell Host & Microbe*. 2016, vol. 19, no. 6, pp. 874–881.
43. Spink M. (ed.). *The Art of Adornment. Jewellery of the Islamic Lands*. London: The Nour Foundation; Azimuth Editions, 2013, part 1. 372 p.
44. Spink M. (ed.). *The Art of Adornment. Jewellery of the Islamic Lands*. London: The Nour Foundation; Azimuth Editions, 2013, part 2. 704 p.

About the author: Konstantin A. Rudenko – Dr. Sci. (History), Professor, Kazan State Institute of Culture (3, Orenburg tract, Kazan 420059, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-4067-9287. E-mail: murziha@mail.ru

*Received June 2, 2021 Accepted for publication August 26, 2021
Published September 29, 2021*